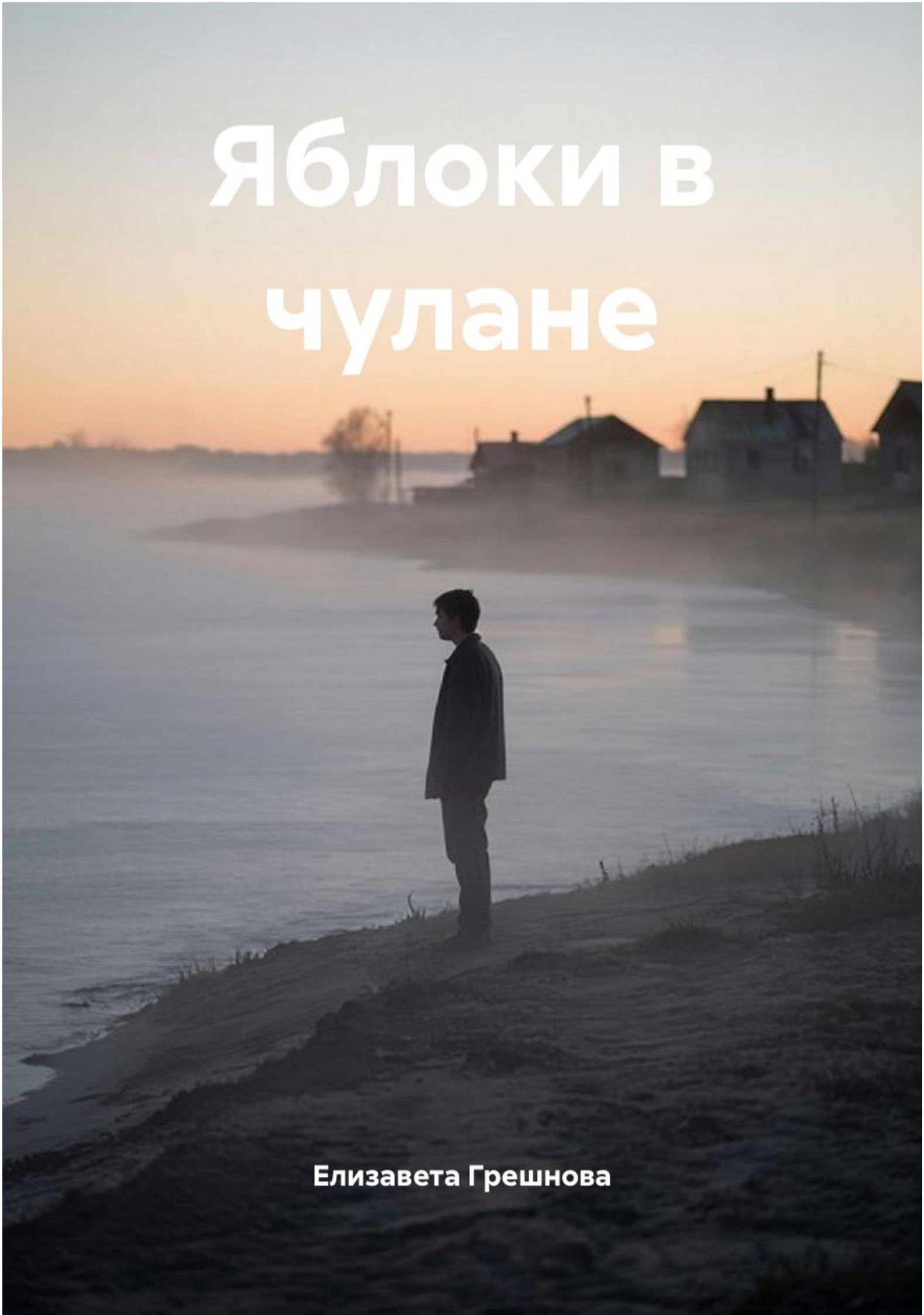
Яблоки в чулане

Елизавета Грешнова

Елизавета Грешнова

Яблоки в чулане

«Автор»
2026

Грешнова Е.

Яблоки в чулане / Е. Грешнова — «Автор», 2026

В северном Вандерхуфе густые туманы с реки прячут всё: чужую нищету, старые обиды и тех, кто не вернулся домой.Лиам Коул восемнадцать лет притворялся пустым местом, чтобы не повторить чужих ошибок. Но в маленьком городе невозможно вечно оставаться призраком, особенно когда ты решаешь вершить собственное правосудие.

© Грешнова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Елизавета Грешнова
Яблоки в чулане

Глава 1

Зубная паста

Мой матрас небрежно валяется на деревянном полу. На нём лежит далеко не новое и не самое свежее постельное бельё, пропахшее моим потом и трудовыми буднями. В это утро я просыпаюсь сам, ещё задолго до рассвета. Внутренний будильник срабатывает ровно в пять, как заведённый. Мне тридцать семь, но по утрам суставы хрустят так, будто мне все семьдесят, а в висках глухо стучит тяжёлый молот после вчерашнего дешёвого ржаного виски. Я просто лежу и смотрю, как за окном в чёрной ноябрьской темени Вандерхуфа мигают жёлтые прожекторы лесопилки у реки Нечако.

В ванной я беру свою зубную щётку. Щетина на ней давно распушилась и торчит во все стороны, как проволока. Надо бы выбросить, купить новую, но я не хочу. Каждый раз я просто давлю на неё сильнее. Я сплевываю пену в раковину: белая паста густо перемешана с кровью. Во рту стоит тяжёлый привкус металла. Чёрт. Опять дёсны. Надо бы сходить к стоматологу, но я знаю, что никуда не пойду.

Через полчаса я натяну пропахшую смолой фланелевую рубашку, зашнурую тяжёлые ботинки со стальными носами и пойду на лесопилку «Плато» у трассы. Десять часов визга циркулярных пил, летящей в лицо стружки и тупой боли в пояснице. Лучший способ заткнуть собственную голову.

Никто в этом Богом забытом городке на севере Британской Колумбии не знает, что на моём счёте в банке лежат четыре миллиона долларов. Я выиграл их восемнадцать лет назад, ровно через два месяца после того, как мне стукнуло девятнадцать и за мной наконец захлопнулась железная калитка закрытого группового дома на окраине Принс-Джорджа. Купил мятый лотерейный билет на сдачу от дешёвого сэндвича. Усмешка судьбы размером с гору.

Два месяца разницы. Всего шестьдесят дней после того, как меня перестали запирать в тёмном подвале и ломать об мою спину швабры. Меня засунули в этот казённый приют в шестнадцать, сразу после того, как умерла моя мать. Ни одна приёмная семья не захотела брать угрюмого переростка. Она надорвалась на двух работах и сгорела за полгода просто потому, что у нас не было тридцати тысяч на нормальных врачей.

Эти миллионы опоздали на целую жизнь. Они не мои. Они пахнут больничным антисептиком, дешёвыми обезболивающими и её холодными руками. Поэтому я сплю на полу, чищу зубы обломком пластика и ем пустую овсянку на воде.

В раздевалке цеха висит мутное, заляпанное трещинами зеркало. Я ненавижу в него смотреть, но каждый раз, когда всё-таки цепляю взглядом своё отражение, внутри поднимается глухая тошнота. Я вижу в этом стекле не себя, а своего отца. Крупный, широкий в кости брюнет с тяжёлым взглядом карих глаз. От природы массивный, крепкий, но не от спортзала, а от его поганой породы. Он сбежал от нас, когда я был ещё совсем мелким, променял больную жену и сына на лёгкую жизнь без лишних проблем. Единственное, что он мне оставил, это своё лицо и свои плечи.

Иногда мне кажется, что я специально гроблю это тело на лесопилке и не лечу дёсны, лишь бы меньше походить на него. Единственное, что хоть как-то портит его проклятое сходство: грубый, побелевший шрам, тянущийся через левую скулу до самого подбородка. Память о старшем воспитателе в приюте, который любил наводить порядок тяжёлой связкой ключей.

Со стороны я похож на угрюмого медведя или вышибалу из дешёвого бара, но для меня этот шрам остаётся единственной чертой в зеркале, которая принадлежит лично мне.

На лесопилке я стою на сортировке сырого кедра. В цеху воняет мокрой корой, машинным маслом и чужим потом. Мои брезентовые перчатки давно протёрлись на ладонях, и к обеду занозы въедаются под кожу так глубоко, что их невозможно вытащить без иголки. Парни из моей бригады зовут меня «Монахом» за то, что по пятницам я никогда не хожу с ними в паб «Cheers» на Чёрч-авеню и донашиваю куртку, с которой облезла вся краска. Они считают меня нищим придурком, который вкалывает за минималку и экономит на сигаретах. Мне так проще. Когда тебя считают пустым местом, никто не задаёт лишних вопросов.

Иногда я думаю, что проще было бы скинуть все четыре миллиона в какой-нибудь онкологический центр или благотворительный фонд и забыть об этом счёте навсегда. Но от одной этой мысли внутри всё сжимается от злости. Я слишком хорошо знаю, как устроены все эти «фонды» и государственные конторы. В групповом доме нам каждое Рождество привозили горы дорогих подарков от спонсоров. Мы видели их ровно пять минут, пока делали фото для отчёта, а потом директор увозил всё в багажнике своего внедорожника. Мои деньги не достанутся ни одному чиновнику в дорогом костюме. Я должен видеть сам. Из рук в руки. Без справок и унижений.

У меня есть своё правило: помогать только женщинам, которые тащат детей в одиночку и вот-вот сломаются. Я выбираю их тихо, как хищник, только наоборот. Три месяца назад я две недели наблюдал за кассиршей из ночного магазина. У неё тряслись руки от усталости, а под глазами не сходили синяки от недосыпа. Я узнал, где она живёт, сунул в её почтовый ящик пухлый белый конверт с десятью тысячами наличными и запиской «На врача и отдых», а потом больше никогда туда не заходил. Она даже не узнала, как меня зовут.

В пять вечера гудок режет уши, и толпа мужиков валит к парковке. На улице уже глухая ноябрьская темень. Я иду пешком мимо чёрных луж и старых пикапов в сторону единственной старой аптеки на Беррард-авеню. Там всегда пахнет дешёвым антисептиком, мокрой шерстью и чужой бедой.

Внутри горит тусклый дневной свет, от которого зудят глаза. У кассы стоит женщина. На вид ей чуть за тридцать, но уставшие плечи опущены так низко, словно она тащит на себе чугунную плиту. Тонкая осенняя куртка явно не по погоде для северного Вандерхуфа, на шее замотан застиранный шарф. Рядом к её колену жмётся худенький мальчишка лет шести в растянутой вязаной шапке.

— Простите, карта снова не проходит, — тихо говорит мистер Миллер, старый владелец аптеки, не поднимая глаз от терминала. — Сумма восемьдесят четыре доллара.

Женщина судорожно роется в потёртой сумке, достаёт мятые купюры и горсть мелочи, высыпает на прилавок. Пальцы у неё красные от холода и мелко дрожат.

— Подождите… вот, здесь сорок два. Давайте уберём витамины и сироп. Оставьте только ингалятор, пожалуйста. Ему ночью дышать тяжело.

У меня внутри что-то обрывается и падает в ледяную пустоту. Эти дрожащие красные пальцы. Этот тихий, виноватый голос, которым бедные люди всегда извиняются за то, что у них нет денег на жизнь. Точно так же двадцать один год назад моя мать стояла у прилавка и просила убрать обезболивающее, чтобы хватило на хлеб.

Женщина расплачивается за один крошечный баллончик, прячет его в карман и разворачивается к выходу. На секунду наши взгляды пересекаются. У неё светлые, прозрачные от усталости глаза. Она скользит взглядом по моей грязной фланелевой рубашке, по огромным плечам и замирает на белом шраме через всю скулу. В её взгляде нет страха, только такая же глухая, знакомая мне тоска. На бейдже, приколотом к лацкану её куртки под расстёгнутым воротом, мелькает потёртая пластиковая табличка из местной пекарни: **«Хоуп»**.

Надежда. Какая злая ирония для этого города.

Она уводит мальчишку в сырую темноту. Я стою у стеллажа с бинтами ещё минуту, глядя ей вслед, а потом подхожу к кассе.

— Пробейте всё, что она оставила, мистер Миллер, — говорю я хрипло. Голос с непривычки звучит как скрежет ржавого железа. — И добавьте ещё два ингалятора про запас. Я заплачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.